

DOI: 10.15643/libartrus-2020.2.1

Философское сегодня. Часть I. Splendida vitia

© В. В. Ильин

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.*

Email: vvilin@yandex.ru

*В первой части работы обращается внимание на причины столь неприглядной особенности отечественного философствования новейшего времени, как *posterius* (вторичность), лишаящей профессию рефлексивного критико-аналитического мирозерцания, тесно связанного с явной и ясной персональной социальной позицией, без которой философское творчество оказывается выхолощенным и вырожденным. Проводимая автором линия: философия как призвание и профессия не может быть сортом, как говорят немцы, *reiselektüre*. В таком виде она утрачивает свое высокое жизнеучительское место, катарсическую духоподъемную миссию.*

Ключевые слова: философия, культура, творчество, жизнь.

Ситуация с философским сегодня, избегая драматизаций в духе гоголевского «современники, страшно!», все же напоминает историю античного отыскания: пустая голова посвящается то ли в дураки, то ли в псевдоумники.

Как бы там ни было, наличная ситуация далека от понятности открытой книги. Заполняет интрига. С одной стороны, небо на землю не падает, с другой – за спиной крылья не вырастают. Берет оторопь: философия имитирует, но не исполняет генеральных своих функций; впечатление такое, что она где-то утратила некую *sidus amicum*, связывающую ее с эпосом (духовное развертывание от реалий) и лирикой (духовное развертывание от переживаний) и предзакладывающую в ее звучании партий и *tuba mirum*, и *turgor vital*.

Ранее философия избегала суеты жизни, стремилась к заявлению глубины мысли; теперь, утрачивая глубину мысли, она погрязает в стремнине текущей жизни.

Ощущение невосполнимой потери – как состояние неудовлетворенности от обретения объекта любви без плоти и крови. Откуда – захлестывающая волна жалости, сочувствия к неосуществлению непосредственного профессионального дела.

Говоря обобщенно, главное, – не устраивает культура философствования, техника отправления исканий по полномочию.

Специализированная деятельность *per procurationem* – суть сумма специфических приемов, способов, актов порождения ожидаемых результатов. К последним относятся характерные правила организации поиска по достаточно отработанным в автономном сообществе канонам творческих инициатив, аккумулируемых нормативной поэтикой.

Здесь – предписания к порядку реализации цеховой способности вершить собственную историю, оправдывать интеллектуальное, гражданское призвание. Разумеются типовые действия, тематика, стилистика, манера рефлексии, полнота самореализации в налаживании, отправлении аутентичных занятий.

Проводя обозрение установлений философской поэтики, попробуем выявить систематические особенности современного отечественного философствования.

Отправной и колкий пункт ниже следующего краткого обозрения заключается в тезисе: наша философия не выполняет своего созидательного назначения; долгое время она жила и, к сожалению, продолжает жить аморфной силой инерции. В последнем убеждает оценка существа оснований, обеспечивающих причастность продуктов творчества – создаваемых произведений – *summa philosophiae*.

Схематическая реконструкция произвольной философской платформы активизирует удобный образ концептуальной позиционной (Бахтин вводил адъектив «направленческой») программы миропонимания и миропребывания. Философское идейное направленчество последних, как всякое духовное сочинительство, организуется канонами формально-содержательного соответствования.

Формальное есть характеристика установки на учреждение структуры, вносит правила реализации соотношений главных и второстепенных (подчиненных) элементов в целом (признаковый момент композиции).

Содержательное есть характеристика установки на учреждение системы, вносит правила реализации предметно-интенциональных связей в фиксации реальности (признаковый момент фабулы).

Профессиональный анализ, вводящий квалифицирующее суждение коллеги о коллегах, в данном случае сосредоточивается на осмыслении природы объективации технических актов непосредственного отправления философствования в единстве формальных и содержательных аспектов стандартной реализации.

Композиционный остов философской теоретизации: текстовый контур и авторство

Жанр – устойчивая форма эпики (в нашем случае) как повествовательной техники отображения реалий, последовательного развертывания авторского мировидения. Атрибутика жанра – своеобразие мыслелета, особенность манеры приподнесения, освоения, версификации материала, наделяющих продукты творчества социально-исторической, индивидуально-психологической определенностью.

Не пускаясь в многословие, паушальная оценка наличного *status quo* подводит к заключению о:

- фактическом исчезновении жанра больших форм: отучились писать сериалы, многотомники, трактаты; не исполняются объемные проекты (типа советских «Теория отражения», «Диалектика»), монументальные, масштабные работы (подчеркиваем головоломные сложности практического осуществления гиперобъемных и в полной мере никогда не воплощаемых замыслов, подобных «Человеческой комедии» Бальзака, «Психологии народов» Вундта). Да что там – не выпускаются многостраничные книги; утрачиваются навыки развернутого теоретизирования (до которого не дотянул И. Меркулов, подготовивший крупноформатное, но непостановочное издание «Эволюционная эпистемология» – труд-компендий эволюционных идей (с минимумов эпистемологии) в духе эволюционизма Спенсера, эволюционного натурализма Р. Селларса); (отрадное исключение – жанрово развернутые работы А. Ахиезера, А. Панарина);
- неотступном тяготении к жанру малых (интервью, доклад, статья, обзор, ревью, гораздо реже – востребующие яркости самореализации – этюд, эссе), средних (брошюра) форм.

(Ср. с типологически родственной обстановкой в художественной литературе, подвизающийся на эксплуатации малых и средних форм – рассказ, повесть, новелла, в эпизодичности романа, полном отсутствии эпопеи. Новейшая тенденция цифровизации человеческих связей практически упразднила жанр эпистолы: культура личной переписки – высокого уклада общения образованных слоев (ср.: переписка Шпета с Гучковой) с конца XX в. сошла на нет, если не утратилась).

В среде интеллектуалов – все меньше способных писать книги. Тем более от первого лица (технику использования местоименной формы первого лица активно применял М. Мамардашвили).

Перевод мыследеятельности в малый формат сам по себе не порочен. На данной сценической площадке вольготно чувствовал себя мастер художественной зарисовки Чехов. Равно как его философские дублеты – истовые исполнители экзистенциальных, антропологических миниатюр – Паскаль, Монтень, Кьеркегор, Шопенгауэр, Ницше, Шестов, Розанов, владеющие суперлаконичным афористичным стилем.

Для профессионала малое – предлог освоения великого: мгновение-момент улавливает отблеск-отклик вечного. Заштатное «событие», прецедент, казус раздуваются до размера Вселенной, оказываются размытыми «во всем». Формируется откровение действительности. У художника – множество откровений за творческую жизнь. У философа на протяжении жизни – одно откровение.

Малость формы – не помеха переводить культуру ума в культуру духа. По закону размышляющей интеллигенции (Фихте), малая форма должна быть сгущенной – никак и ничем не сковывающей интенсивность теоретизации, рельефности постижения предметных сфер.

Подчеркиваем: малоформатность – не порок. Порок – мелкотемье, непритязательное интеллектуальное худосочие, которое и при наличии способностей не позволяет провести спасительный драпирующий маневр, – за ущербностью формы не удастся скрыть убогости содержания.

Отсюда требование – исключить мелкотемье, лишаящее философскую мысль крупной соли и погружающее ее в разведенный неконцентрированный раствор мелкотравчатого безмыслия.

С чисто фактической стороны восстановить жанр больших форм означает возродить фундаментальность – вернуть в прежнее служебное положение интенцию на выполнение исконной философской задачи: представлять полиотсечную панораму действительности; задавать стереоскопию судьбических мировых линий; строить вдохновляющую объемную картину гуманитарного зодчества.

Композиция – внутренняя телеология текста, на базе планомерного взаимоотношения, сочетания элементов в систему придающая:

- стройность, гармоничность, пропорциональность фиксации идей;
- когерентность материализации мыслей;
- оптимальность смысловой экспозиции.

Сказанное обуславливается задействованием набора крайне мощных организующих принципов, определяющих правила расстановки акцентов; группировки проблемных линий; использования эвристических, методологических ориентиров; чередования передних и задних планов мыслелета; достижения кульминации (содержательная подготовленность шпанунга); разрешения замысла.

Характер выстраивания отечественной философией профессиональной деятельности (текстовой, поисковой стержень) воистину лишен каких бы то ни было архитектурных изысков, до мозга костей примитивен.

В послереволюционный момент на уровне законодательной презумпции упрочилась порочная санкционированная политическими верхами калька структурной остроты осваиваемого материала. Напомним: предметная плоть философии – многообразие фигур дорефлективного и первично рефлективно оформленного опыта, пакуемого вторичной рефлективной отделкой в гиперонимические понятийные комплексы. В ходе подобной «паковки» проводится то, что именуется концептуализацией: релевантные семантические различия, конструирование категориального аппарата, разработка когнитивных каркасов, эвристическое калькулирование и т.д. Данные положительные инициативы и оптимизирует композиция, предоставляющая дополнительные возможности умело распоряжаться установлением параллелей, получением проекций, наведением мостов, усилением интриги, завязыванием перспективных тематических, мотивных, дисциплинарных узлов.

Если односложно квалифицировать обстановку с «композицией» вокруг философских тщаний, уместно использовать только один оборот – «богатство расточенное».

Раннее советское время руководствовалось ходульной композиционной схемой: древность (со вкусовым выделением реперных точек, фикс-пунктов) – обновляющий революционный переворот марксизма, дополняемый ленинизмом.

Позднейшее советское время, подправляя узколюбую копию, в качестве обновленного принимало: от скопища недугов агонизирующая буржуазная псевдонаука – излечивающая ее благотворным воздействием (диалектического – исторического материализма) марксистско-ленинская панацея.

На первом этапе регламентом организации философствования выступал акционизм – практические мероприятия в залоге «ведение боевых действий»: собрания, заседания ячеек, бюро, президиумов коллективов разнообразных инстанций, проводящих обсуждения, осуждения, разоблачения, дающих отпоры, упреждения, наступающих, держащих оборону, удерживающих фронт, предпринимающих атаки, – с неизменной демонстрацией преимуществ силы одобренной всевидящим партийным руководством, ЦК, лично товарищем... линии под эгидой всепобеждающего, неуязвимого, всезнающего, всевдохновляющего, ведущего от успеха к успеху... учения.

Тлетворный курс на всестороннюю политизацию и идеологизацию философии, набирая силу, укоренился с середины 30-х. Преступную лепту в данное сатанинское дело внесли Митин (впоследствии репрессированный), Ральцевич, П. Юдин, Кольман, Черемных, Каммари и иже с ними, взрастившие толпу замшелых трубадуров всех наших мыслимых и немыслимых достижений, неодолимых викторий над «безнадежно прогнившим враждебным нам империалистическим окружением».

Безупрочные (хотя злободневные) старания отрясших с себя величественность мира сего многочисленных за гранью разумного подвизавшихся на ниве зрителей «чистоты рядов» вредоносных болтунов-балалайкиных пространственных комментариев не требуют. Тут все ясно: они не стоят слов, – взглянул и – мимо. Тем не менее в створе движения в теме правильно обратить внимание на исключительно скверную онтогенетику, заложенную в это время и всецело отягощающую наше поступательное философское (и не только) социально-историческое шествие.

На втором этапе регламент организации философствования приобрел нюансировку. Неизбавившиеся от погромного прошлого остались верными себе – продолжили одержимую пропаганду скорой полной и окончательной победы... над... как выяснилось, – здравым смыслом. Здесь – политически ангажированные громилы от идеологии, профессиональные функционеры, административно-бюрократические тузы, солдаты партии – серые кардиналы общественнознания – Константинов, Ильичев, Федосеев, Иовчук, толпой угрюмою и скоро позабытой

Прошедшие без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.

Удивительно, но долговременно занимавшие всякого рода высокие посты, незаслуженно обласканные властью, наделенные престижными знаками отличия, они являли собой редкую бездарность. Не считать же в самом деле не то что прорывами, даже намеками на исследования (неизвестно кем составленные) одиозные опусы: у Константинова – их фактическое отсутствие; у Ильичева – «Принципы материалистической диалектики», у Федосеева – «Диалектика современной эпохи»; у Иовчука – «Ленинизм и современность». (Знамя «вечно живого» благополучно подхватывали сошки рангом пониже – роскошные убогости – Чагин, Францев, Степанян, Г. Смирнов, Глезерман – раздуваясь от гордости, продолжавшие то бутады, то рулады, то трали-вали разводить).

Достаточно квалифицированные – с определенным культурным потенциалом, знавшие иностранные языки – сосредоточивались на решении преимущественно просветительской задачи – через преподавание, учебную беллетристику, популяризаторство приобщали массы к достижениям зарубежной мысли. Таковы заслуживающие добрых слов Богомолов, Мельвиль, Нарский, не избавившиеся, однако, от конъюнктурной догматики, заостренно критического отношения к европейско-американскому философскому наследию. Что ни говорить, но экзистенциализм невозможно изучать «по Богомолову», прагматизм – «по Мельвилю», неопозитивизм – «по Нарскому».

Аналитический абрис не полон без отдельного упоминания малочисленной группы лиц, в бесконечных треволнениях мрачного времени сохранивших творческое и человеческое достоинство. Это – Асмус, Лосев, Кубицкий, Маковельский, П. С. Попов, Фохт, ориентированные и ориентировавшие на непритворные, подлинные профессионально выверенные починны.

Стиль – манера исполнения творческого продукта, устойчивая система способов самовыражения, заявления авторства, детерминированная сочетанием универсальных (принятых в автономном сообществе) и уникальных (обусловленных фоном личности) параметров действия, выделяния предмета труда.

Во всех сферах (практической, практически-духовной, духовной) продуктивной деятельности первейшее условие успеха профессионально пестуемых конструктивных приемов освоения и овладения материалом – богатство, разнообразие, оригинальность демонстрации собственных изобразительно-выразительных возможностей.

С прискорбием отмечаем: никакой демонстрации никаких возможностей в помине нет. Нет авторства – самочинного дерзания, наглядного засвидетельствования, изобличения особого характера субъективности с возбуждающей силой подвижничества, проповедничества, отзывчивым проявлением *das Selbst*, взволнованным обнаружением ищущего сознания, оживотворяющим воздействием творческого на творческое.

Что есть? Безличное, безликое безымянство, навеянное пережитком: дремучим советским назидательством – пустопорожным рассуждательством в духе коллективного разоблачительства, группового всезнайства, переводящего искания из материальной модальности *de re* в менторскую модальность *de dicto*. Как прежде: у нас не исследуют, а поучают, что делать, чтобы исследовать, на духовном мелководье выясняя, кто, где, почему оступился.

Используя мысль Гюго, воистину: что касается вина, жаждущие пьют воду. Пробавляются пресным приснопамятным. Иного не дано. Слишком долго гуманитарии возвращались, жизнедействовали на безынициативном охранительном

Молчи, скрывайся и таи

И чувства, и мечты свои.

В качестве обидного итога – утрата способности обеспечивать

- инновационность: истончилась, если не исчезла когорта исследователей, могущих быть теоретиками – в явном виде обладать претензией строить теорию, выступить от ее имени;
- индивидуальность: отмечается симптоматическая «утрата лица», просматривается порочный синдром «все на одну физию» с упразднением слоя разработчиков, обладающих даром незаемного, неподражательного изыскательства, носителей своеобразного персонального.

Художественный опыт акцентуирует установку на глубину выражения; философский опыт – на выражение глубины. Последнее достигается труднейшим интимным сочетанием предметности и оригинальности.

Избегая пространных пояснений, используем емкую лирическую формулу: в многогранности сущего философия ловит и улавливает духоподъемный миг, который

...вечности дороже –

Бесконечности любой,

и на его версификации несет правду мира, берет полную ответственность за социальную и экзистенциальную несправедность.

Внутреннее напряжение философствования, что очевидно, поддерживает взаимодействие двух ветвей: существенности и индивидуальности; философия и разворачивается как многостороннее раскрытие «себя» через противостоящее ему «иное» в абсолютизации и универсализации человеческой (общечеловеческой) миссии по отношению к миру в целом. Торжество философии суть триумф ее очистительной миссии – успех взыскательного представительства «своего мира» посредством темперации исполнительства.

Основное – проникновенность – наполненность темпераментом, мотивом, призывом, идеалом. За что, скажем, отдается должное концептуально слабой, но вдохновенной философии в будуаре де Сада.

Отмеченного, к разочарованию, нет. Худо-бедно – есть темы, пускай, немонументальные, малоформатные. Опечаливает нехватка дерзания, дефицит исполнительского, взыскующего искусства персональной обработки тем в идейной аранжировке.

Я кружил поэтической белкой

И хочу кружиться опять, –

куражился Маяковский, упиравший на повсеместность, безоговорочность, свободу великой поэтической роли.

Нечто глубоко сходное правильно адресовать философии. Философская воля к перманентному собственному кружению не ограничиваема. Единственная преграда на ее неестественном пути – утрата своеобразия, самобытности самоизъявления. Тематически философия может быть любой (что и выказывает поливариантность идейного строя философии в ее обильной истории), но не стертой. Стертость – лишенность стилистической изобретательности, образной выдумки – непростительный, недопустимый изъян философствования.

Язык – универсальное средство знаково-информационного кодирования действительности – есть одновременно ресурс демонстрации уникального – авторского – ее (действительности) видения. Языки Платона, Беме, Спинозы, Гегеля, Флоренского, Хайдеггера – суть неповторимые объективаторы персонального. Вплоть до граничных предельных исполнений в варианте Дерриды: философия Дерриды есть... (и здесь сказать почти нечего) плюс язык Дерриды. На данном основании философию квалифицируют как проявление человеческого рас­судка на «туманном языке» [3, с. 350].

Мотто Гете принято как негативное кредо позитивистами, растираживано их адептами, борющимися с выразительным насилием языка и в философии, и через философию. Сошлемся на Витгенштейна: «Философия... это борьба против околдования нашего разума средствами нашего языка» [15, с. 142].

Не пускаясь в детализации, тем не менее зафиксируем: язык (привлекая мысль Мари­тена) – суть основоположное действие. По качеству оно­го в культуре дифференцируют «легкий» – «тяжелый» язык (слог). Первое – епархия чувства (ср.: Пушкин – «поэзия, прости господи, должна быть глуповата»); второе – епархия мысли (когда стих не «льется», не «поется»; непевческая мыслительная напряженность – черта самоизлияний Баратынского – одного из самых философствующих поэтов – у которого «не то, что мыслящая поэзия – а поэтическая мысль» (И. Аксаков); «все мысль да мысль» аттестует поэтическое творчество Хомякова, Соловьева, создавших поэзию «мысленной системы»).

Использование естественного, непосредственно текучего силой самотека, пластичного, словно ртуть, вольного самоизъяснения – в стандарте – философия не предусматривает. Как всякая специализированная отрасль знания она комбинирует особым аппаратом, категориальным фондом, традициями сигнификации, семантизации, интерпретации. (Вплоть до подспудных интимно-подтекстных влияний. Скажем: глубинными провокаторами творческой самореализации (включая языковую составляющую) в ряде случаев выступали экзистенциальные потрясения, обусловленные невозполнимыми жизненными утратами: Августин потерял друга; Цицерон – дочь; Абельяр – плоть; Марсель – мать).

Во всех нетривиальных проявлениях индивидуально выстраданной эвристически емкой философии язык – первостепенный фактор вдохновенного заявления авторской самости.

Nic haeret aqua.

Ничего похожего не требует отечественная философия наличного времени, безнадежно ликвидировавшая самые намеки на присутствие персонального начала мироосмысления, индивидуального принципа подачи идей.

Впрочем, использование фигуры «подача идей» вряд ли правильно в оценке штампованной фразеологии, не приноровленной к трансляции свежих мыслей и подстроенной к обмирщению непритязательных факультативных конструкций, подсвечиваемых обманчивым мерцающим светом маломощных свечей.

Фабульный остов философской теоретизации: поисковый контур и взрыв

Фабула – порядок формулировки идей в их взаимной последовательности, причинно-следственной обусловленности, семантической, целевой, функциональной согласованности, слаженности.

Признаковый момент фабульности – нацеленность на вещественность, выяснение каузальных связей, выстраивание детерминистских типологизаций, предполагающих адресацию к онтологии. Культивация сущностных осмыслений, как минимум, востребует предметности размышлений, исключающих ангажированность из диспозиций ума, обременяющих его эссенциальной ориентированностью.

С данного момента, однако, возникают сложности. Ранее фиксировался неприглядный феномен: потеря глубокого, оригинально думающего автора. Место его заступили шелкоперы синопсиса – непритязательные эклектики-эпигоны, способные на мелкотравчатое комментаторство.

Деспотия рутинной привычки (стимулируемой и скверной идеологизации общественознания) возымела ошеломляющее, буквально эпидемическое, воздействие: никакой пронизательности не требуется для регистрации одиозного перерождения философствования даже в институциональном плане; деградация предметоцентризма предопределила тривиализацию профессии с размещением ее в бесформенно-расплывчатых, заскорузлых нишах концептуального рутинерства.

Философия перестала ставить и решать проблемы: академизм исследования подменился школярством изложения. Доказывание доказанного, изучение изученного самоизолировало философствование на невзыскательном косном просцениуме «анализа текста».

Следует объясниться. Анализ текста – важнейший компонент образования, приобщения к профессии, преуспеяние в которой, однако, к толкованию текста не сводится. Исследование текста не упраздняет исследование действительности, без чего философия не в состоянии отправить возлагаемую на нее службу: проводя рефлексию предельных оснований всех видов человеческо-исторической практики, подытоживать ее достижения, оформлять миропонимание; оправдывать векторы индивидуального и социального творчества, задавать мироотношение.

Предметоцентризм «схватить в мысли эпоху» выводит на свободный ход просторного искательства; текстоцентризм «схватить в мысли наследие» обрекает на скитания в теснинах-тенетах истолковательства. Шиболет перетекания предметоцентризма в текстоцентризм – вытеснение философии философованием; рост не обремененных выяснением причин «трещин мира» (Гейне) псевдознатоков-псевдоагитаторов *secretarius notariorum*, перебивающихся мякиной вида «Демон Лермонтова кисти Врубеля».

Интеллектуальная спячка, равнодушная отгороженность от существенности, гражданская апатичность, поисковый хвостизм, – отличия непристойной передислокации профессиональной энергии из топоса «выражение Большого» в Бытии в топос «выражение ерунды» (Маяковский) в бывании.

Поглощает не отображающее даже предрассудков массового вкуса убогое имитаторство, пакуемое в локусы:

1. Популяризаторство. Дилетантски профанное разжевывание премудрости профессии под фирмой рыночной оптимизации образовательного процесса: несуразные казусы философствования в вопросах и ответах, схемах, картинках, – скатывающиеся в маскультуру и

бульварщину графоманские поделки, выходящие из-под пера своих антигероев вроде Радугина, Канке. О последних – хорошо у тонкого Марциала:

Люди есть, что меня не называют поэтом,
Но считает купец – тот, кто меня продает.

Справедливости ради скажем: уже не считает и, спохватившись банкротства, прозревший купец.

2. Эпигонство. Тривиальная трамбовка, толчая в ступе чужих и архаичных углов зрения. Специфическое клише подобных бесполетных опусов «Имярек о...». Вся вырожденность нудного жвачноподобного кантования образных выделений серого вещества в данном отсеке дегенерации показывают вехи становления такого произвольно выбранного носителя самой распространенной отечественной фамилии, как (А.) Иванова, умудрившаяся защитить диссертации с аншлагами «Развитие Лениным марксистско-ленинского учения о закономерностях (?! – **В. И.**) истории философии» (канд.); «Развитие Лениным диалектико-материалистической концепции истины в работах дооктябрьского (?! – **В. И.**) периода» (докт.); такое – в конце 80-х. Каких-то 35 лет назад. Чуть! Дичь! И такому несообразию, непотребству несть числа.

3. Синописис. Бездумная перегонка взглядов в духе несуразного исчисления высказываний. С постановкой на безбрежную паузу всего, на чем печать ясного эффекта предметности, как-то: веление времени, состояние нравов, призыв к поступку, выполнение гражданского долга, способ жизнеутверждения, выражение дум народных, сердечных.

Философии до всего должно быть дело, для чего, естественно, она обязана напрягать собственные, а не перелагать чужие мысли. Манкирование такой обязанностью вызывает духовное оскудение, обнищание философии, ее незамедлительное замещение более мобильными формами культуры, – в первую очередь искусством. Будучи «не брезгливой» (Герцен) модификацией символического, искусство, заполняя вакуум самоосознавательного процесса, конструирует видотипическую эмоционально-образную сценографию действительности.

Нечто подобное в виде чуткого обострения творческого внимания к делам «нашим грешным» отмечается в лихолетье полного застоя философской деятельности во второй трети прошлого века, когда в лице Галича, Высоцкого, Окуджавы, Трифонова, Розова, Тендрякова и других пронизательных деятелей прекрасного именно сопредельная сфера художественного опыта взяла на себя благородную роль выразителя чаяний времени.

Что до философии – постановка текста (языка) на место реалий повлекла неминуемую передислокацию респектабельной ветви духовности в нелепые модусы сюра, постмодерна, примечательные разве что тем, что там ходят в экстравагантных костюмах, как несмазливые дамочки «в поиске».

Сюжет – множество проблемно-идейных «событийных» линий, оформленных на стыке формально-содержательных потоков от «реального» (отображаемый предмет) и «модельного» (отобразительный способ). Характеризуя отображательно-отобразительную сторону произведения, сюжет выступает его структурообразующим инструментом.

Ядром сюжетики философствования пребывает заявление-оправдание жизненного (эссенциально-экзистенциального) идеала, вокруг которого группируются более дробные (автоматизирующиеся) релевантные рассмотрения. Практическое налаживание философствования как значимого процесса слагается по правилам внутренне организованного мыслительного предприятия, развертывающегося по чередке канонических стадий: завязка – развитие интриги – кульминация – развязка.

Не будет преувеличением утверждать: типаж отечественного философствования подрывает все и всякие установления сюжетостроения полноценных произведений. Действительно.

Завязка. Мотивный толчок, капитальная идейная диспозиция, оказывающаяся отправной точкой концептуализации жизнезначимостей. Серьезные произведения – дериваты сильной конфликто-, предметоемкой завязки, обслуживающей динамику сюжета.

Гипоцентр завязки всегда – система содержательных понятий о «что», предусматривающая кристаллизацию из него каких-то событийностей. Подчеркивая тематическую наполненность завязки в программировании поиска, придадим предметной позиционности умственного действия облигатное толкование «нацеленность на нечто». Традиционное философствование в таких случаях комбинирует диадой «бытие – ничто» (Гегель, Сартр).

Наш тезис: завязка – параметр, указующий на причастность бытию («нечто») в его противоположении ничто. В противном случае не избавиться от бессюжетности рассматриваний.

Обопрямся на аналогию. В художественном опыте представлен казус «бесфабульность», «бессюжетность», наполняемый зачастую не обязательными, но занимательными повествованиями о случившемся (бывшее, памятное) – многообразные заметки, «картинки с выставки», отчеты о приключениях, путешествиях, хождениях, легенды, сказы («Тысяча и одна ночь», «Декамерон» и т.п.). Литературная бессюжетность обосновывается самоценностью историй, имеющих самостоятельный художественный, нравоучительный, жизненный смысл.

Бессюжетность философии не имеет никакой самоценности, никак и ничем не обоснована – ни в авторском, ни в стилевом, ни в эвристическом отношении. Бессюжетные, беззавязочные самоизлияния в ключе «рассказ о рассказе» не постановочны, до мозга костей эфемерны.

Сюжетная мысль идет от (проблематизируемого) материала к обобщениям; бессюжетная мысль идет от априорных обобщений к подгонке под них фактов. Бессюжетность, беспостановочность философии, следовательно, означает ее беспредметность. Иными словами, – вырожденность.

Только один пример.

По утверждению ныне действующего Президента РФ, в СССР (в прошлом – в отличие от настоящего!) не было выборов. Возникают вопросы: что было? что изменилось? в результате чего?

Как реагирует на происходящее политическая философия? Как раньше она на происшедшее реагировала? (Считать ли, к слову, исчерпывающей трактовку событий, данную почти «придворным» политологом того времени и по совместительству помощником генсека компартии Шахназаровым? [12] Если в СССР процветала народная, представительная, свободная демократия (как декларирует означенный источник), тогда о чем Президент РФ; и далее – тогда что такое советский тоталитаризм, партийно-государственный монополизм, центрально-административная диктатура?)

Бессюжетность, беспостановочность философствования (в отличие от литературного опыта) оборачивается бесхребетностью – отрешенным плетением словес, схоластическим суесловием, угодливой апологией существующего в меру удобной позы «чего изволите».

Развитие интриги – важнейший элемент сюжетостроения, поддерживающий содержательную напряженность развертывания мысли непосредственно после ее интенционального обременения в исходном. Пружиной содействия духу исследований служит обозрение вещественных связей, оказывающих прямое или косвенное влияние на рассматриваемое. Совер-

шенно ясно: дабы сложиться и состояться философствование должно отвечать познавательной положительной серьезности: как говорил Юнг, – стремиться «разобраться в суматохе сомнений и неопределенности» [13, с. 307].

Никакого разбирательства с купированием сомнительного, неопределенного, вожделенным обретением ясного не просматривается. И не мудро. В отсутствии предметной наполненности, тематической емкости мысли какие-то дочерпывающие (философия исключает интеллектуальное исчерпание своих тем) мероприятия не налаживаемы.

Сюжетно выстроенное мыслительное сочинительство – исключительно и неодолимо – оно вызывает заинтересованный отклик. Романы Тургенева породили шквал публицистических (не литературоведческих) выступлений. Беспредметная философская беллетристика – никаких.

В литературном кажущемся «скучным» бытописательстве (Писемский, Помяловский, Островский) скрыта внутренняя коллизия, – череда латентных микродрам. Взять чеховскую «бессобытийную» «Чайку»: за ширмой рутинного бытования, когда ничего не случается, – цепочка внутренних сшибок, – Медведенко любит Машу; та – Треплева; тот – Заречную; та – Тригорина. За вереницей немотивированных поступков, не идущих к делу реплик – каскад экзистенциальных несовпадений, трагедия всех. Каузально необусловленный распад, разлад жизни. И авторский непредвзятый, неспешный суд.

Если проецировать бессобытийную философию на «бессобытийную» литературу, правильно высказать следующее.

Литература превосходит бессобытийность бытописательства – размеренного изображения неброских, ровных буден с гнетущей вялостью атмосферы, неприятельным жизнечувствием – показом радикального разрыва «иметь» и «стремиться».

Философия не расстается с бессобытийностью (бессюжетностью), – фигурально – утопает в бытописательстве, выходу из которого противится самоисключение критико-аналитического начала, блокирование вершения суда над жизненными реалиями, невозможность версификации перипетий существующего в тонирующих дихотомиях «сущее – должное», «данное – чаемое», «наличное – ожидаемое» в створе маргинальной второобразности.

Кульминация – вершина показа преимущества (совершенства) заявленной трактовки природы вещей на фоне заострения противодействований pro и contra, оттеняющих акт выбора. Будучи апексом сшибки обосновательных хитросплетений, кульминация обслуживает наступление момента истины – коренного перелома в отношении к эффекту изыскательской процедуры. С позиции учета динамики состояний сознания отмечаем сдвиг с «сомнения» на «убеждение», опосредуемый появлением, говоря красиво, серафической зоркости – фундаментальной уверенности в обладании истиной. Сказанное распространяется на вариант спасительно приходящего прозрения, гносеологически выступающего капитальной проблематизацией принятого «самоочевидного». Сошлемся лишь на пришедшее под занавес жизни просветление Блока: «...может быть, революции не было? Может быть, та, что была, ненастоящая?» [11, с. 80].

Поскольку философствование сторонится предметно-жизненных наполнений, с ним, точно в людической деятельности, так же интересно, «как семечки подсолнуха грызть» (невывающее горьковское «О вреде философии»), но без всякого самообольщения по части вхождения в апексы. Неотвратима неизбежная подмена: хочется картины, предлагают олеографию.

Как же досадно с нашей без-мысленной предилекцией, жертвующей любой драматургией в смысле инновационно-практическом.

Скажем: Мангейм изучает «идеологию» как форму сознательного признания истины по недостаточным объективным и достаточным субъективным основаниям. В такой перспективе она предстает модификацией ангажированного, превращенного сознания, обслуживающего партикулярные предвзятые интересы.

Ученый Мангейм исследует «явление», высказывая предметные суждения о его генеалогии, феноменологии, на вещном фундаменте обосновывает реляционизм [14], впоследствии стимулировавший концептуальное укрепление социологии знания, политологии, футурологии. Проецируемый на реалии подход Мангейма экипирован интригой и кульминацией в виде заявленной аутентичной программы «природа идеологии», дающей осязаемый эффект.

Незадачливый *vis-a-vis* Мангейма Биккенин – типичный комментатор – ничего не изучает [2], в качестве «системщика» (систематизатора) демонстрирует осведомленность о хорошо известных идеях хорошо известных лиц.

Налицо – истребительная подмена освоения предметных связей исчислением высказываний, сущностной концептуализации бессущностной систематизацией, – подмена, разваливающая сюжет со всеми сюжетоорганизующими принципами.

Тынянов говорит о литературных окаменелостях [8, с. 393]; мы имеем полное право говорить об окаменелостях философских.

Проблему значимости философствования обострял Хюбшер, вопрошая: не стала ли философия излишней [9]? Со всей прямоотой отвечаем: бессюжетно-беспредметная философия стала.

Развязка – закономерный демонстрационно подготовленный результат, к которому приводит завершение разыскания. В философствовании радикализуется важность развязки не как финальной точки естественного обрыва линейного тока дискурсии, но как обретение своеобразного интеллектуального катарсиса вследствие чувства удовлетворения сделанным.

Философия – предприятие веро-, жизне-, нравоучительное, назидательное, как, для чего «быть», а не «казаться». На данном резоне итожащая поисковая свертка должна быть и формально достаточной, и содержательно пафосной: казуистически она обязана быть концовкой логически безупречной; судьбически она обязана быть концовкой с эпилоговым поучением – апофеозом правды «без покрова».

Ни тем, ни другим, очевидно, она пребывать не способна.

Формально – ибо разваливает идею ментальной миссии: чураясь освоения вещных связей, пробавляясь рутинной перегонкой фрагментов наследия, философствование впадает в худший тип идеологизирования – резонерство, абстрактный методологизм – пустяковое всезнайство, пустопорожнее наставительство. В кильватере сказанного назовем наших недавних ординарных диалектиков – никчемных носителей «высших» истин, посвященных во все таинства света, овами и семо стоящих на изготовке к выправлению всяческих предрассудков, безмерных вождителей светлого будущего. Всепредставляющие, всепроникающие – Черкесов, Мальцев, Молодцов, Алексеев... кто, кроме нас, их вспомнит?

Разве что Пушкин:

Но жалок тот, кто все предвидит,

Чья не кружится голова...

Или Берггольц:

Как мне наши праведники надоели...

Содержательно – ибо разваливает идею экзистенциальной миссии: «...все дни и дали в грудь вбирая», философия позиционирует себя высшей ступенью душевно-духовной отзывчивости, средоточием мудрости, умеющей применять знание во благо, средством приобщения к высокому, отсеяния пустого, избавления от призрачного. У мудреца «есть» и «должно» равнозначны. Поскольку в реальности это не так, лакуну восполняет философия, предлагающая «науку жить». Следующий ее заветам, – живущий в согласии с жизненной правдой – мудрец, и потому – счастлив, – т.к. «нет мудреца, который был бы несчастен» [10, с. 32].

Сама по себе философия как таковая есть окончательная и всеобщая всечеловеческая, все-сюжетная развязка. Исключающие же достижения промежуточных частных развязок конкретные виды бессюжетной философии, не пробуждающие чувств, не открывающие глаз, не срывающие «кожуру с планеты» (Вознесенский) – копят «мертвый хлам» (Гете), вращаются не в истинном, а мнимо сущем (платоновский меон), пребывают скопищем и ненужного, и не-должного.

Тема – круг обсуждаемых вопросов, захватывающих внимание проблемных пластов, находящихся концептуальную проработку в произведении. Тематический вектор мысли – поставщик материала – неотъемлемое условие предметного оснащения поиска, его сюжетного, мотивного обмундирования. Выбор тем относительно произволен; принятие решения обуславливается

- авторским интересом – персональной (с участием шлейфов семьи, школы, эпохи) диспозицией самореализации;
- авторской трактовкой направленности поисковых затей;
- авторской идеологией творчества;
- авторской позиционностью (тенденциозностью) – внутренней мобилизованностью (предвзятостью, влекущей возможные искажения) на отстаивание (судьбоносного) идеала;
- авторской самобытностью в формулировке идей.

Как видно, «тема» семантизирует «идею», «тенденцию» (зачастую – «тенденциозность») поиска. Предельно ясно: лишенное тематического оборудования исследование пустопорожне.

Кладезь пустопорожности – порождающая структура бестемности отечественного философствования, пробавливающегося усилением информационных шумов. Его (философствования) тематическую неразбуженность исчерпывает предосудительный quadruplum 4К, представленный компилированием, комментированием, компоновкой, констатированием, не венчающихся хотя бы коммутированием – переводом плана обозначения в план понимания.

Компиляция. Ни уму, ни сердцу тривиальное заимствование. Иметь на языке много имен не означает иметь в голове много мыслей. Как точно высказывает Декарт: «Мы никогда, например, не сделаемся математиками, даже зная наизусть все чужие доказательства, если наш ум не способен самостоятельно разрешать какие бы то ни было проблемы, или философами, прочтя все сочинения Платона и Аристотеля, но не будучи в состоянии вынести твердого суждения о данных вещах, ибо в этих случаях мы увеличим только свои исторические сведения, но не знания» [5, с. 85].

Регистрируется некий максимализм знания, исключаящий «чего-то не знать». Не в тематическом, а в осведомительном отношении.

Изучают «не Пушкина, а пушкиноведение», – некогда сетовал Тынянов. Разворачивают не философию, а философствование, – сегодня сетуем мы. Изучают не предмет, а взгляды на предмет; получают не тематизацию, а подборку. Переложения, пересказы, подходы, просмотры, балласт цитат, сносок, ссылок, отсылок, необязательных адресаций, переадресаций, мнимых уточнений – ...в манере сфумато

Абсолютная идея совершила полный круг:

Вместо Канта – Федосеев, вместо Фихте – Иовчук.

Как же скучно на этом свете, господа!

Комментирование. Факультативное истолковательное сопровождение. Конечно, есть комментарии и комментари. Одно дело размышления, что называется, в *pendant*, предполагающие детализацию капитальных доктринальных позиций, – какие практиковали Шпет (применительно к трудам Гумбольдта); Мотрошилова (применительно к трудам Гуссерля); Бибахин (применительно к трудам Хайдеггера). Другое дело спрягание пристающих как «пыль к колесу» (Ключевский), общих мест.

Бездумное беспредметное верхоглядство, – именно против него ополчился Кант, недоумевая: «Какое, в самом деле, достоинство в том, чтобы мыслить одинаково с толпой и утверждать положение столь легко доказуемое?»

«Школа философа... это лечебница. Выходить оттуда должно, испытав не удовольствие, а боль!» – назидал Эпиктет. Боль души вследствие отягощенности знанием покидающей апатичные воды персональной отстраненности.

Взять российскую ситуацию: «...какой-нибудь Иван Антонович, кувшинное рыло... смешон в книге Гоголя и очень мелкое явление в жизни; но если у вас случится до него дело, так вы и смеяться над ним потеряете охоту, да и мелким его не найдете... Почему он так может показаться важным для вас в жизни» [1, с. 430–431], – вот достойная всяческого участия большая и больная тема. И тема эта – как целина – по сию пору остается не поднятой.

Компоновка – некомпозиционное составление целого из частей посредством группировки заимствований. Налаживается тривиальное перенимание вследствие включения комбинаторики – официозных подстановок, аппликаций, развертывающих политизированное бледное подобие комбинаторной логики. Инструментом пульсации мысли здесь пребывают не тематически обрамленные операции применения предметных функций к предметным аргументам, а цитатничество – комбинирование цепочек выдержек.

Как во всякой комбинаторной задаче, десижонизм компоновки преобусловлен интенцией выбора и располагания элементов некоторого множества, согласно априорным правилам. Последние отвечают способу конструирования композиций – комбинаторных конфигураций.

Никаких сверхусилий изучение комбинаторных конфигураций философствования не требует: алгоритм их создания на удивление прост: это – перестановки, переборы, размещения, сочетания, – обобщенно: трюистические трансляции. Они-то и составляют базис компонентной культуры, являющейся демонстрированием немужской отработанной рухляди.

Концентраты ярчайшей пустоты бестемной окантовки (компоновки) философских штудий – составленные как центоны работы кустившихся в диалектической логике – отроге диалектики – Розенталя, Штракса, Оруджева и др., концептуальную ценность которых передает фигура: «жевание есть – глотать нечего».

Особая статья – имитация содержательного маневрирования манипулированием мало известных отрывков наследия (Маркс, Энгельс «Из ранних произведений», «Ленинские сборники»), к чему прибегали изошренные догматики марксизма-ленинизма с романтическим блеском в воспаленных глазах (свежайшее брюсовское «юноша бледный со взором горящим») – Косолапов и др.

В кругу всей этой толчеи между тем спрашивается: что дает выискивание оттенков, иллюзорная инноватика? – то же прозрение «Не смей командовать!» при засилье центрально-административного регулирования?

Констатирование – скольжение по наличности, установление фактической свершенности, что применительно к типизации философствования склоняет к нелицеприятной негативной предикации: неколлизионное, неконтрастное, неколоритное с проблематизацией телеологичности текстостроения, релевантности принципа композиции, навязывающего раскрытие «что дает», «для чего».

В залоге отстраненного наблюдательства (едва не соглядатайства) выполняются (квази) исследования в жанре «философия родительного падежа», каковой выступает та же философия образования. В ней ситуация близка к абсурдной. Отечественное образование деградирует, тогда как число изданий по нему стремительно растет. Обсуждается не тематически отштрихованный, внедренный в магистрали рефлексии реальный предмет, а некое его отчужденное изобретение. Практический смысл предъявляемых констатаций – нулевой; учитывая же никчемность, так сказать, безостийность интеллектуальных просмотров – и отрицательный.

Прямо – по Чехову: «Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы, но едва вступили в жизнь, как утомились и заболели... Слабы, слабы!»

Проблема – требующее разрешения в исследовании интеллектуальное затруднение, озадачение, снятие которого – действенный рычаг научного прогресса. Феноменологической иллюстрацией последнего служит заурядный образ линейного расширения. Обнаружение проблемы – поиск решения – постановка новой проблемы. Нефеноменологическая интерпретация мыслительного прогресса, естественно, таким гносеологическим элементаризмом не довольствуется. Достаточно переместиться на субстанциальную точку зрения, чтобы принять: прогресс знания связан не столько с расширением проблематизаций, сколько с углублением их в достижении понимания природы вещей в качестве сверхзадачи.

Наибольшую справедливость подчеркнутого отличает состояние дел в философии. Суть в том, что проблемный фонд данного отсека практически-духовного – традиционен: и древние, и последующие, и новейшие одинаково озабочиваются одним: что есть истина, благо, красота, польза, совершенство, гармония... Прогресс здесь определяется наращиванием не количественной, а качественной экипировки мысли. Потому образ прогрессирующего процесса имеет вид: не от проблем к решениям с обновлением проблем, но: от извечных (идентифицированных в далеком прошлом) проблем к освежающим решениям.

Акцентируем «освежающим», исходно парализующим поисковое капитулянтство через впадение в

- примитивизм: упрощенчество, безыскусственность, пренебрежение профессиональной техникой освоения материала;

- стилизацию: подражание, имитация, подстраивание, подлаживание под стиль, подделка, подгонка, тиражирование, калька, разрушение оригинальности;
- псевдоискусство: деформация новаторства, лжеобновление, паллиативы перепелов, переливов, модуляций,

изгоняющих из рассмотрений генеральную нацеленность на жанровый, тематический, стилистический рост, видообразование, охват жизнепроявлений, усиление модельных реконструкций.

Сызнова: прогресс в философии – суть углубление проблематизации с освежающей трактовкой идеалов, оптимизирующей трансформацией традиций, адаптацией протекшего к текущему опыту, актуализацией наследия. Подобными специфическими действиями – имманентными философии – она решает ключевые профессиональные задачи: дает ответ на запросы времени, оказывается самосознанием человечества, представляет эпоху, схваченную в мысли.

В литературе нечто подобное осуществляется включением силы «божественного глагола», в философии – силы проблематизации.

Способность проблематизации – аппарат, позволяющая аппассионату восходить к вершинам духовной обработки и проработки реальности. Отсюда – универсализация проблематизации и его инструмента – сомнения в качестве способа философского действия: философское сомнение всецельно; в философии сомневаются и в том, в чем не сомневаются в глубине души.

По инспирирующему большаку активированного сомнения учили ходить размышляющую публику Сократ, Августин, Декарт... Не с тем же, в самом деле, чтобы, утрачивая навыки выверенного движения по вымощенному тракту, опускаться до блужданий по захолустью бездорожья, – бездорожья выпуска эклектичных гибридов, бессистемного нанесения описательных пятен, лишенных сопровождения рефлексивных вешек.

Проблемность и темность, проблематизм и тематизм пребывают в отношении параллелизма – неперемногого сопутствования, неизменного сопровождения. Есть тематизм – есть критико-аналитически конституированные идейные доминанты. Есть проблематизм – есть санкционированные предметной деонтологией последовательности правдоподобных (приемлемых) значений распределения некоторых величин (трактовки, решения). Основание сцепки одного с другим – профессиональное умение, сила мастерства создавать совершенные творения, отобразительно (фабула, сюжет, тема) – выразительные (авторство, проблемность) шедевры.

Со всем высказанным скверно. До невыносимости.

Нет свежих веяний ни в тематизациях, ни в проблематизациях. Причины? Они обозначены выше: это – стилизаторство, имитаторство, комментаторство. Обобщено – атрофия иницирующей философской способности сомневаться.

Теоретизирование в режиме «заимствование», «комментирование» – суть квазитеоретизирование, что вытекает из самой техники генерации результатов не от природы вещей, а от их отображений. Volens-nolens допускается фетишизация анцестральных форм с идущей рука об руку с ней деформацией объективности, всесторонности, конкретности рассмотрения. Место последнего замещает раболепное возвеличение прототипов, угодническое заискивание перед ними. Анализ перерождается в низкопоклонство, критика – в пение дифирамбов.

Смирненное прислужничество избавляет от трезвого отнесения сделанного к *status rerum*, ставит плотину на собственной творческой реализации, обрекает на концептуальный хвостизм – подобострастное стремление потрафлять авторитетам. Расстраивается философский акт как раскрытие себя, разлаживается философствование как акция раскрытия всеместности всевременности «всего», что «в человеком мире».

Благоприятный момент обратиться к свидетельствам.

Специалисты прекрасно идентифицируют головоломки наличной доктрины; обозначим некоторые из них.

1. Природа коллективного бессознательного: существуют ли наиндивидуальные, трансперсональные, сверхличностные архетипические духовные комплексы? Серьезный проблемный пласт теории, казалось бы, взыскует не менее серьезных откровенных прямых проработок. Между тем практически повсеместно производится неэквивалентная замена (подмена): теоретические разбирательства конвертируются в пересказы почти столетней давности воззрений Юнга. Черный юмор заключается в том, что сам Юнг не то что понятной – внятной трактовки архетипического (коллективного бессознательного) не представил. Не отвлекаясь на боковые сюжеты, апеллируем к ряду репрезентативных аутентичных пассажей.

По Юнгу, архетипы – системы установок, являющихся образами и эмоциями, передающихся по наследству (!) вместе со структурой мозга (!), представляющих «хтоническую» часть души, т.е. «ту ее часть, через которую душа связана с природой и, по крайней мере, в которой связь души с землей и миром наиболее заметна» [13, с. 136]. Не требуем пояснений: что такое «хтоническая» часть души; как «земля» и «мир» влияют на «душу»; как складываются, передаются первообразы? Можно уважать Юнга и предложенную им модель архетипов, но не до такой степени, чтобы довольствоваться аффирмациями: архетип – часть «доисторической, иррациональной» психики, ибо в детстве в согласии с филогенетическим законом (кстати, не верифицированным) «раздается отголосок предыстории развития рода и человечества в целом» [13, с. 136, 137]; филогенетически «мы произрастаем из темных и тесных глубин земли», в результате чего «самые непосредственные факторы (какие?! – **В. И.**) превратились в архетипы» как «осадок явлений мира, который... выражается в структуре мозга и симпатической нервной системы»; «в своей совокупности это означает нечто вроде не имеющего времени... вечного образа мира, противостоящего нашей сиюминутной сознательной картине мира» [13, с. 240].

Резюмируем: архетип – важная, работоспособная когниция, но не в кругу юнговских спецификаций (ср.: «мы можем делать архетип ответственным только (! – **В. И.**) за некоторую незначительную нормальную (! – **В. И.**) степень боязливости» [13, с. 139]), ничего общего не имеющих с серьезной проблемной теорией.

2. Природа цивилизации; цивилизация и культура. Обсуждение глубокой проблемы спорится досужими пересудами органико-романтических моделей Данилевского-Шпенглера-Сорокина-Тойнби. В этом нет никакой необходимости. Почему бы не оттолкнуться от интенсивного эскиза явления, утрирующего кристаллизацию «цивилизации» из «цивильности».

Так как цивильность выражает поддержание жизни по искусственным, завязанным на коллективный эффект технологиям, в ней оттеняются моменты целесообразности, кооперативности, свободы, обуславливающие рациональную планируемость, общественность, самоочинность, самоопределенность деятельности и ее продуктов. В виде совокупного грандиозного

резюме такого рода деятельности оформляется, оконтуривается «цивилизация» – состояние полной выделенности человека из природного царства в образе и подобии относительно автономного и рационального агента существования.

Антипод цивилизации – хаос во всех его вариациях, от природных до социальных. Ресурс цивилизации определяет и определяет, сводя до минимума, исключая неопределенность развития. Где надлежащего заслона ей (неопределенности) не устанавливается, инструмент цивилизации дает сбой, оказываясь заложником природной или социальной стихии. (Ср.: нынешняя ситуация с коронавирусной пандемией, разрушительными вылазками международного терроризма, выбросами ИГИЛ.) Подчеркивая, что нерв цивилизации – преодоление хаоса, проявляемого через игру неконтролируемых, слепых природных и социальных сил, уместно толковать «цивилизацию» под фирмой поддержания жизнедеятельности. А именно: цивилизация есть

- образ жизни, детерминируемый базовыми устоями существования;
- воспроизводство способов воспроизводства жизни.

Фикс-пункт цивилизации – живневоспроизводительный уклад, техника обмена деятельностью, способ вершения исторического бытия, обеспечение выживания. Элемент «технологичности» отличает цивилизацию от культуры, которая в широчайшем смысле, будучи механизмом порождения, закрепления, передачи, умножения выражающих достоинство и призвание ценностей, базируясь на творчестве, познании, через напряжение продуктивных возможностей объективирует субъективный порыв к высокому.

Ориентиры цивилизации и культуры самобытны. Цивилизация инструментальна (хлеб, мощь), культура гуманистична (высота нравственности, сознания). Мещанство подтачивает культуру; мягкотелость разрушает цивилизацию. Культура стремится к славе, цивилизация – к подвигу. Культура притязает, цивилизация вершит долг. Культура покоряет духовным, цивилизация материальным величием. Рычаг культуры – тщание духа, цивилизации – устройство.

Развернутое сопоставление реперов одного и другого оставляет меньше места для нечеткостей в определении существа дела. Сказанное подрывает ложно-классическую интерпретацию природы цивилизации в терминах конфессиональных. Основа цивилизации не религия, а живневоспроизводительный механизм с фундаментальными социальными константами, продуктивными универсалиями [6, 7]. Так, Европа поликонфессиональна, но относительно едина. Едина по комплексной рецепции инноваций, стимулирующей поддержание существования (инварианты в материальных, гражданских, духовных, частных секторах общежития).

Непреходящее для культуры абсорбирует «откровенство духа» (Федотов) со своими столпами – такими, как

...возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенные искусства.

Столпы же цивилизации – технологии устройства, среди которых индустриальность, письменность, урбанизированность, политичность, права человека и т.д.

Цивилизация с культурой соотносится как тело с духом. Одна – материальное развитие, общественная организация (технологии, институты) – телесная оболочка социума; другая – духовная жизнь, душа его. Оттого цивилизация – сопоставимая с культурой типологическая

единица истории крупного порядка, ценностная общность высокого ранга – в отличие от культуры выступает широчайшим уровнем лишь институционально-технологической идентичности людей.

3. Природа отечественной цивилизации; Россия и Европа; русский цивилизационный путь. Вне и помимо текстологических коннотаций проблематика «русской идеи» – жизнеспособна, реалистична.

Наряду с римской, туранской русская идея относится к разряду так называемых великих панидей, которые (совместно с более дробными национальными идеями) применительно к ассоциациям народов ясно и отчетливо

- формулируют адекватные им концепции бытия;
- обосновывают духовную самобытность;
- объемлют понятия о роли, месте, притязаниях в мире;
- программируют схемы поддержания престижа, повышения веса, получения дополнительных активов;
- определяют их относительно единиц родственных.

Согласно такому взгляду на существо явления, русская идея, тематизируя внушительный перечень вопросов: каковы боги; каковы люди; какова история, культура, база самоидентификации, отношения к собственным и иным традициям, корням, первоистокам, ориентирует на решение объемной проблемы исторического призвания России, связываемого с ее текущими и перспективными державными прорывами-взлетами: чем Россия обогатила и чем она обогатит человечество.

Одна линия обсуждения «русской идеи» намечает движение в предметном курсе «Россия в мире», другая – в комментаторском курсе «Россия в наследии». Последний, к несчастью, превалирует, организуя ток мысли в направлении сотериологическом – проекты потребного мироустройства привязываются к исполнению Россией некоей спасительной цивилизационной роли. Содержательный остов их (проектов) образует теза своеобразного избранничества популяции, страны, чему сообщается то религиозная, то вполне светская редакция, не оставляющая сомнений: Россия – средоточие истины, обилия, благодати.

Идиома богоизбранности России, задавая контур историософского мессианизма, развилась в доктрину потенциальной перспективности ее по отношению к Западу. Эвристическим посылом выступило понятие исчерпанности цивилизационных сил Европы: Европа, дескать, утратила творческие силы и должна передать свой функциональный приоритет новым народам, – России [4, с. 308]. Подобное убеждение, оказываясь концентрацией провиденциальных надежд, составило сердцевину поисков национальной идентичности, многочисленных макетов вселенского положения нашего общества, его идеального назначения.

Философско-религиозное коловращение фигур почвенного миссионизма, однако, практически ничего не дает. Первостепенно оно не позволяет внести ясность в ряд стратегических «почему»:

- почему Европа враждебна России;
- почему ресурсно более богатая Россия цивилизационно систематически отстает от Европы;
- почему на российской ниве укоренен термидор – устойчивая тенденция истреблять сограждан;

- почему «политическая целесообразность» связывается у нас с наступлением на народ с подчеркнутой атрофией самоорганизации снизу;
- почему кризис власти в России оказывается кризисом государственным, общесоциальным, почему не работают институты, не выработан прозрачный механизм ротации, смены политических элит;
- почему подготовка наших ответов на вызовы времени неизменно запаздывает; почему казус России – казус «задержанной цивилизации»;
- почему строительство очередной «новой» жизни у нас принудительно, репрессивно? Ну, и так далее.

Система – комплекс обязывающих последовательно фиксируемых взглядов, композиционно целостных, функционально инструктивных. Задача системы – сочетать, связывать, соединять. Спайку идей в литературе дает сюжет; в философии – система. Дает не через обоснование (формальный закон основания), а через свидетельствование (содержательные традиции, убеждения).

Системное свидетельствование «традиции» – генерализация платформы Сенеки: философия – универсалия накопления богатства в душе, а не в доме.

Системное свидетельствование «убеждения» – генерализация платформы франкфуртской школы (направляемой ее установками парижской молодежной революции 1968 г.) – «Истина – Разум – Фаллос». (Столь вычурная подборка вершин треугольной фигуры, инициирующей студенческое бунтарство, объясняется просто: «истина» – справедливое социальное устройство; «разум» – модельная форма организации оного; «фаллос» – фаллическое активистское начало – жизнедеятельностная операционализация модели. Согласно идеологии лидеров выступлений, требовавших введения в кампусах промискуитета, – «чем больше мы занимаемся любовью, тем больше хотим бунтовать; чем больше мы бунтуем, тем больше хотим заниматься любовью».)

Система в философии – сокровенный органон выбора и расположения элементов в конечные идейные совокупности по относительно произвольным (вкусовым) правилам, вводящим способ получения конструкции вида неких свободных самостоятельных пьес – виртуозно исполняемых интермеццо. Такова, к слову, жизненная программа «на злобу дня»: «Маркс – Маоцзэдун – Маркузе».

С профессиональной точки зрения, система в философии – орудие задания координат, определяющих положение любой точки в релевантном пространстве. Начало координат – ценностное основоположение; порядок выхода из него – векторные движения, обуславливающие направленность, напряженность идейных силовых линий и оформляющие тематические уплотнения.

В характеристике их структуры возможно использовать полезный математический концепт «компакт», навевающий образ отделимого в себе упорядоченного ареала.

Упор на автономию философских систем утрирует аксиому отделимости в простейшей редакции: непересекаемость, несоизмеримость. Здесь философия как знание уподобляется скопищу Хаусдорфовых некоммуницируемых представительств. Некие основания для подобного подхода несет определенная «непрозрачность» некоторых философских исполнений, в числе которых – «закрытые» контуры ряда древневосточных систем или та же «Семирамида»

Хомякова, развернутая как сугубо индивидуальный проект с опусканием технических традиций действия, классического инструментария, аппарата, избыточностью персональных ассоциаций, аллюзий, а потому фактически «не имеющая окон».

Тем не менее более адекватен сбалансированный подход, лишаящий толкование компактности признаков радикальности. На аналитическом мегауровне дело выглядит так. Системный строй философствования специфицирует особенности точки «О», равно как техник из нее выхода; эффект – интервализация – получение дифференцированных эссенциально-экзистенциальных автономий, которые статусно, однако, не выпадают из историко-философского порождающего процесса.

Уникальные фактуры интегрируются в типологически родственные региональные (течения, направления: позитивизм, философия жизни и т.д.; материализм – идеализм; гностицизм – агностицизм) и универсальные – архитектурно-унитарные (по причастности профессии) комплекты. На данном основании заявляется линия системного единства философии: тематически, методически, методологически, эвристически философия консолидирована, фундаментально – идентична.

Идеология отделимости, таким образом, компенсируется идеологией инцидентности, – мотивом общего системного дела.

Ipsae res verba rapiunt.

Взять интригующую проблемную тему «Восток – Запад». Сформулировал ее Исократ, выступивший с почином сплотивания эллинов против персов (под водительством Ахеменидов). Проблема семантизировалась под фирмой столкновения двух региональных общностей «цивилизации – варварства».

В бессистемной коллатерали философствования довольствуются констатацией пресловутой дивергенции цивилизационных ветвей человечества. В системной магистрали востребуют аналитики: ввиду чего восточная закрытость, контингентированность, недемократичность зачастую более эффективны в решении острых задач, нежели западная открытость, либеральность, демократичность?

В таком ракурсе версификация цивилизационной коллизии «Восток – Запад», исключая словоблудье, сосредоточивается на фронтальной рефлексии потенциала восходных социумов со вписанием их самобытности в интерьер доктрины обмена деятельностью, систематизирующей: каков статус тоухидного хозяйствования; почему производительность труда в толстовских коммунах превышала аналогичные показатели колхозной организации; по какой причине борьба с всечеловеческой угрозой – коронавирусной напастью – эффективней в восточной (Корея, Китай), чем в западной (Европа, Северная Америка) стороне ойкумены?

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №200509).

Литература

1. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений: в 13 т.* М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. VI. 799 с.
2. Биккенин Н. Б. *Социалистическая идеология.* М.: Изд-во политической литературы, 1978. 205 с.
3. Гете И. В. *Избранные философские произведения.* М.: Наука, 1964. 519 с.
4. Данилевский Н. Я. *Россия и Европа.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. 552 с.
5. Декарт Р. *Избранные произведения.* М.: Политиздат, 1950. 712 с.
6. Ильин В. В. *Мир Globo: вариант России.* М.: КДУ, 2009. 255 с.
7. Ильин В. В. *Философия истории.* М.: Изд-во Московского университета, 2003. 380 с.

8. Тынянов Ю. Н. *Литературная эволюция*. М.: Аграф, **2002**. 496 с.
9. Хюбшер А. *Мыслители нашего времени: 62 портрета*. М.: Центр творческого развития МГП ВОС, **1994**. 312 с.
10. Цицерон М. Т. *Опровержение эпикуреизма*. Казань: Унив. тип, **1889**. 106 с.
11. Чуковский К. И. *Александр Блок как человек и поэт (Введение в поэзию Блока)*. Петроград: А. Ф. Маркс, **1924**. 141 с.
12. Шахназаров Г. Х. *Социалистическая демократия. Некоторые вопросы теории*. М.: Политиздат, **1974**. 336 с.
13. Юнг К. Г. *Проблемы души нашего времени*. М.: Прогресс, **1994**. 329 с.
14. Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Bonn: Verlag von Friedrich Cochen, **1929**. 252 s.
15. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. Frankfurt am Main, **1971**.

Поступила в редакцию 20.03.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.2.1

Philosophical today. Part I. Splendida vitia

© V. V. Ilyin

National research center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.

Email: vvilin@yandex.ru

In the first part of the work, attention is drawn to the reasons for such an unsightly feature of modern Russian philosophizing as posterius (secondary), which deprives the profession of a reflexive critical and analytical worldview closely associated with an explicit and clear personal social position, without which philosophical creativity is emasculated and degenerated. The line drawn by the author is as follows: philosophy as a vocation and profession can not be something of a kind, as the Germans say, reiselektüre. In this form, it loses its high life-teaching place, its cathartic spirit-raising mission.

Keywords: philosophy, culture, creativity, life.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No.200509).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Philosophical today. Part I. Splendida vitia // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 2. Pp. 81–103.

References

1. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete collection of works: in 13 volumes]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. VI.
2. Bikkenin N. B. *Sotsialisticheskaya ideologiya [Socialist ideology]*. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury, 1978.
3. Goethe J. W. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]*. Moscow: Nauka, 1964.
4. Danilevskii N. Ya. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1995.
5. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow: Politizdat, 1950.
6. Il'in V. V. *Mir Globo: variant Rossii [Globo world: variant of Russia]*. Moscow: KDU, 2009.
7. Il'in V. V. *Filosofiya istorii [Philosophy of history]*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2003.
8. Tynyanov Yu. N. *Literaturnaya evolyutsiya [Literary evolution]*. Moscow: Agraf, 2002.
9. Hubscher A. *Mysliteli nashego vremeni: 62 portreta [Thinkers of our time: 62 portraits]*. Moscow: Tsentr tvorcheskogo razvitiya MGP VOS, 1994.
10. Cicero M. T. *Oproverzhenie epikureizma [Rebuttal of epicureism]*. Kazan': Univ. tip, 1889.
11. Chukovskii K. I. *Aleksandr Blok kak chelovek i poet (Vvedenie v poeziyu Bloka) [Alexander Blok as a man and a poet (Introduction to Blok's poetry)]*. Petrograd: A. F. Marx, 1924.
12. Shakhnazarov G. Kh. *Sotsialisticheskaya demokratiya. Nekotorye voprosy teorii [Socialist democracy. Some questions of the theory]*. Moscow: Politizdat, 1974.
13. Jung C. G. *Problemy dushi nashego vremeni [The spiritual problem of modern man]*. Moscow: Progress, 1994.
14. Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. Bonn: Verlag von Friedrich Cochen, 1929.
15. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. Frankfurt am Main, 1971.

Received 20.03.2020.